

личных от очертаний своих строчных эквивалентов. Это обстоятельство присуще отнюдь не одному лишь латинскому письму, но проявляется и в греческом, а также в армянском и грузинском; прослеживается это нарастающее различие и в нашем ряду «устав—полуустав—скоропись—гражданское письмо».

К тому же, в книжном письме имеет место сочетание строчного почерка минускульного типа с прописными буквами капитального или унциального типа, используемыми в качестве инициалов или заголовков, а иногда и в декоративных целях. Явление это широко известно в ряде восточных «узорных» шрифтов, но для нашей цели достаточно сослаться на более доступные и наглядные примеры на пути становления европейского письма.

В VIII и IX в., т. е. в момент творческого становления и активного утверждения нового, так называемого «каролингского» мелкого минускульного письма (по новейшим данным — модификации позднеримских книжных минускулов), в качестве единого и всеобщего книжного почерка в заголовках, а также в инициалах почти сплошь применяются формы старого (отброшенного) унциального письма; а в наиболее торжественных рукописях целые начальные страницы по декоративным соображениям пишутся даже капитальным письмом. Три-четыре века спустя, при безраздельном господстве чисто готических («угловатых») форм почерка (минускульного с изломом) на всем протяжении текста книги, инициалы чаще всего имеют вид так называемых «ломбард», т. е. несколько стилизованных, но все же отчетливо «круглых» букв унциала. В наиболее типичном русском (и вообще славянском) книжном письме — полууставе — построение фигурных инициалов опять-таки несколько отличается от очертаний самого почерка текста, но еще ярче иные принципы построения буквы и строки сказываются в обличье вязи.

Здесь не место анализировать генетическую связь наиболее архаических элементов книжного письма с эпиграфикой, достаточно констатировать, что самая потребность в «выделительном шрифте» в полной мере сказывалась еще задолго до книгопечатания и приводила к органическому сосуществованию с характерным для данного периода письмом, эволюционирующим целенаправленно и прогрессивно, элементов иного письма, оставлявших большой простор для стилизации, но не подчиненных основной линии развития основного письма текста; элементы эти бытуют вне самого текста, в лучшем случае — в виде первой буквы главы или даже всей книги.

Не иначе обстоит дело и в первопечатных книгах. На Западе долго в книгах, набранных текстурой или фактурой (основные из многочисленных разновидностей так называемых готических шрифтов), вписывались от руки вполне унциальные «ломбарды», затем их стали впечатывать (красным) во всех литургических книгах и (обычным, черным) в светских. Когда же начали применять резные фигурные инициалы, их создатели сумели находить разнообразнейшие художественные решения, обеспечивавшие общее стилистическое единство с набором, но отнюдь не обязательно подчинявшие построение инициала построению букв набора. В тех случаях, когда при создании инициалов для шрифтов антиквы творцы этих инициалов вдохновлялись образцами древнеримской эпиграфики, автоматически и объективно получалась большая близость также между построением этих инициалов и построением прописных букв самого шрифта. Но лишь потому, что в типографской антикве, так же как и в ее прообразе — гуманистическом минускуле, вполне отчетливо и сознательно получила свое логическое завершение основная тенденция латинского минускула во-